

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О ПОНИМАНИИ НАСИЛИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу теоретических воззрений евразийской философии на проблему насилия. Основным предметом рассмотрения является теоретическая установка евразийцев на дифференциацию цивилизационных аспектов Запада и Евразии в отношении всех значимых сфер культуры. Делается вывод о высокой степени теоретической значимости и перспективности философских положений евразийства для дальнейших исследований, касающихся проблематики насилия в современном обществе. Проблематика насилия в современном обществе продолжает оставаться крайне актуальной и важной областью исследований. Отечественная философская мысль, в этом отношении, также выдвигает свои варианты решения проблем связанных с активным распространением образов насилия в массовой культуре, проявлений насилия в повседневной жизни. Евразийская перспектива рассмотрения насилия, как укорененного в базовых цивилизационных интуициях и служащего различным цивилизационным силам явления, выводит социально-философскую мысль к новым вопросам и к новым путям их возможного решения. И здесь мы можем со всей уверенностью говорить о том, что дальнейшие исследования, посвященные данной проблематике должны, несомненно учитывать весь тот идейный потенциал, которым обладает классическое евразийство и который нарабатывается в рамках современного крыла этого философского направления отечественной мысли.

Ключевые слова: философия, евразийство, цивилизация, насилие, культура, интуиция, явление, решение, жизнь, проблематика.

Проблематика насилия в современном обществе продолжает оставаться крайне актуальной и важной областью исследований. Отечественная философская мысль, в этом отношении, также выдвигает свои варианты решения проблем связанных с активным распространением образов насилия в массовой культуре, проявлений насилия в повседневной жизни. Среди всех прочих философских течений современности особого внимания заслуживает философия евразийства, выдвинувшая свой самобытный путь осмысления проблем, связанных с насилием.

Особую важность это идейное течение приобретает в связи с тем, что в центре его внимания всегда находились вопросы русской культуры, соседствующих культур, и, шире — всего евразийского пространства, на котором русская культура занимает совершенно особое положение. Именно евразийство поднимает проблематику

взаимоотношений между различными цивилизациями с точки зрения симбиоза, подавления, безразличия или еще какого-либо режима взаимного сосуществования, предполагающего урегулирование конфликтов, особые методы институционализации насилия, его оправдания, применения, его менеджмента.

Поскольку различные цивилизации обладают различной спецификой, пути осмысления и подходы к проявлениям насилия также различаются. Евразийская мысль ставит актуальную в современных исторических и общественных условиях проблему идентификации, типизации, выделения тех особых социальных динамик, которые в рамках той или иной цивилизации отвечают за тот или иной вид проявления насилия. Следовательно, евразийский подход к пониманию насилия в современном обществе стоит подвергнуть глубокому анализу с целью установления его позитивного теоретического и практического потенциала.

Итак, с точки зрения евразийской мысли, структура и особенности общества напрямую зависят от сочетания многих цивилизационных факторов, таких как географическое местоположение, особенности властной иерархии, доминирующий вид культуры, и др. При этом не существует единой линии развития и преемственности, по которой движутся все общества. Именно установка на единообразие исторического процесса, характерная, например, для марксизма и для либерально-демократической идеологии, является главным объектом критики евразийства. Стремление унифицировать культурную жизнь различных обществ видится евразийцам как проявление фундаментального аспекта насилия, который имеет своим основанием глубинные основания определенных цивилизаций. Исходя из этого можно говорить о том, что специфика цивилизации заключается в ее подходе к решению проблем, связанных с поддержанием собственного существования. Либо цивилизация выбирает в качестве своей главной стратегии путь мирного существования, интенсивного развития, симбиотических форм взаимоотношений, либо она становится на путь проявления фундаментального цивилизационного насилия, который подразумевает экстенсивное развитие, экспансию, стремление к эксплуатации других обществ и других цивилизаций. Корень враждебности, предельное основание насилия, таким образом, лежит, согласно евразийству, в области первичных цивилизационных определений относительно главных стратегий развития той или иной цивилизации.

По мнению евразийцев, именно современная западная цивилизация, актуальным выражением которой является либерально-демократическая идеология, служит источником такого массового распространения насилия, с которым мы сталкиваемся в современной мировой культуре. На определенном этапе своего развития, относительно локализации которого в истории культуры ведутся споры, западная цивилизация предстает как такая культурно историческая реальность, основным приоритетом которой выступает тотальное доминирование над всем окружающим пространством. В этих условиях становится актуальной модель «Центр-периферия», в рамках которой устанавливаются жесткие иерархические отношения между колониями и метрополиями. Естественно, что по отношению к периферии становятся легитимными страте-

гии, включающие насилие в его разнообразных формах: культурное, идеологическое, информационное, физическое и т.д. То есть, само насилие как базовая реальность жестких иерархических отношений между центром и периферией приобретает институциональный статус и политическое оправдание.

При этом существуют различные точки зрения на проблему выявления первичного культурного истока такой цивилизационной специфики. С одной стороны, можно предположить, что данные процессы характерны для всех цивилизаций, имеют место на всех исторических промежутках, являются сущностной особенностью цивилизации как таковой. С другой стороны, евразийцы указывают на базовое противоречие между земледельческой и кочевой цивилизацией Евразии (Land power) и основанной на морской торговле цивилизацией Запада (Sea power). Такая перспектива анализа цивилизационной специфики позволяет евразийцам сделать вывод о том, что именно морская цивилизация запада в процессе развития своего морского могущества продемонстрировала тенденцию к адаптации экспансивных, захватнических стратегий, предполагающих массовое вовлечение насилия в культурное и социальное пространство. Насилие становится доминирующей формой взаимоотношений между покорителями и покоренными, морскими державами и сухопутными колониями. Выражением такого подхода к вопросам цивилизации евразийцы считали «европоцентризм», который подвергался ими активной критике. Так, П. Н. Савицкий, один из основоположников евразийской мысли, пишет: «Евразийская концепция знаменует собою решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отказ, проистекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определенных научных и философских предпосылок... Одна из них есть отрицание универсалистского восприятия культуры, которое господствует в новейших европейских понятиях»¹.

Насилие, рассматриваемое в предельно абстрактном, фундаментальном аспекте, не ограничивается своими повседневными формами, оно находит свое выражение на всех уровнях культуры, становится своеобразной

¹ Савицкий П. Н. Евразийство // Ключников С. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997

культурной парадигмой западной цивилизации. Захватнические цивилизационные формы, с точки зрения евразийства, навязывают свои культурные стратегии в этике, в теории познания, в развлечениях. Императивы западных стандартов рациональности, западных политических институтов — все это входит в ткань другой цивилизации как внешняя инструкция, всеобщий стандарт, не соотнобразующийся с цивилизационной спецификой Евразии. Так, евразийцы говорят о тенденции европейского знания, приходя на новую почву, становиться догматической метафизикой: «Было бы знаком духовной слепоты отрицать огромность тех познавательных достижений, успехов в понимании и видении экономических явлений, которые осуществила и накопила новая политическая экономия. Но выступая в качестве эмпирической науки и действительно в определенной и большей степени являясь таковой, новая политическая экономия в целом ряде своих положений влияла на умы и эпохи как метафизика...»¹.

Этот процесс экспансии западной цивилизации может быть охарактеризован как беспрецедентное культурное насилие, осуществляемое планомерно и всеобъемлюще.

Особенно актуальными эти выводы представляются с точки зрения повсеместного проникновения образов насилия в массовую культуру. Западная цивилизация осуществляет массовую культурную экспансию в сознание Евразии, стремится унифицировать его, внедрить в него свои цивилизационные коды. Для того, чтобы такой процесс был успешным, необходимо выведение общественного сознания из равновесия, его дестабилизация. Инструментом такой дестабилизации, с точки зрения евразийства, может являться современная массовая культура, через образы насилия передающая необходимые деструктивные импульсы. Характерно то, что в современных условиях этот механизм не является узконаправленным и рассчитанным только на евразийскую цивилизацию. Подчиняющаяся законам рынка массовая культура получила свое распространение во всех регионах мира, в том числе внутри самого Запада. Является ли это упущением или намеренной адаптации стратегии дестабилизации общественного сознания внутри собственной цивилизации — вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

¹ Там же.

Важным обстоятельством является для нас то, что евразийство говорит о совершенно иной специфике насилия и подходов к нему в евразийской цивилизации. Культурные коды евразийской цивилизации, по мнению евразийцев, фундаментальным образом отличаются от культурных кодов западной цивилизации. Если на западе насилие стало институционализированной стратегией экспансии во всех сферах, от повседневности до высших форм культуры, то в Евразии дело обстоит иначе.

Евразийская цивилизация, образовавшаяся в результате синтеза культурных аспектов славянства, византизма и туранского наследия, представляет собой особую культурную реальность. Этому, по мнению основоположников евразийства, способствовали особые географические условия. Как отмечает этому поводу М. Bassin²: «The source of his insistence on the indivisibility of the greater region was that it corresponded to the true nature of Eurasia as an «integral whole,» a «self-contained geographical, economic, and ethnic whole distinguishable from both Europe and Asia proper.»» Of these three factors, the significance of the geographical was clearly predominant. Borrowing from a hypothesis developed in greater technical detail by his colleague, the geographer Petr Nikolaevich Savitskii, Trubetskoi maintained that by virtue of its physical-geographical configuration — the peculiar juxtaposition of certain ecological zones to each other and to the principal river systems the Eurasian continent had been fashioned by nature itself into a tightly cohesive and compact landmass». (Он (Трубецкой — авт.) настаивал на неделимости большого региона на том основании, что это соответствовало истинной природе Евразии как «единого целого», «самостоятельного географического, экономического и этнического целого, отличимого и от Европы и от Азии». Из трех этих факторов значимость географического была определяющей. Заимствуя детально разработанную его коллегой географом П. Н. Савицким гипотезу, Трубецкой полагал, что благодаря физико-географической конфигурации — наложению определенных экологических зон друг

² Bassin M. Classical Eurasianism And The Geopolitics of Russian Identity [Электронный ресурс] (www.cesran.org; режим доступа: http://www.cesran.org/Dosyalar/MAKALELER/MARK_BASSIN_CLASSICAL_EURASIANISM_AND_THE_GEOPOLITICS_OF_RUSSIAN_IDENTITY.pdf (дата обращения 17.04.13)).

на друга и на основные системы рек — евразийский континент был оформлен самой природой в тесно сплоченную часть суши)¹. Таким образом, в рамках этой сплоченной особым образом реальности насилие обладает другим онтологическим и ценностным статусом.

С точки зрения онтологии, насилие для цивилизации Запада, согласно евразийству, является той принципиальной динамикой, которая обеспечивает постоянную экспансию. Насилие это источник движения, и форму его проявления в западной цивилизации можно назвать центробежной, способствующей распространению импульсов доминирования от центра к периферии. В Евразии же, насилие является центростремительным, собирающим энергии окружающего пространства и фокусирующим их в одной точке. Таким образом, насилие становится не базовым выражением захватнических устремлений, но инструментом удержания цивилизационной стабильности, применяемом не постоянно, а лишь тогда, когда центробежные тенденции начинают преобладать и под угрозой ставится целостность цивилизации.

С аксиологической точки зрения, насилие само по себе не является ценностью ни в рамках Запада, ни в рамках Евразии. Но оно при этом подчинено определенным ценностям, задающим формы его проявления. Так, в рамках западной цивилизации насилие подчинено ценности Права, то есть законности его применения, основанной на соблюдении зафиксированных нормативных положений.

Такая аксиологическая направленность содержит в себе, по крайней мере, два аспекта. Во-первых, подчиненность насилия ценности Права подразумевает неприятие любых не правовых форм насилия, не закрепленных в нормативных документах. Это, безусловно, положительное обстоятельство, однако с точки зрения евразийства тут кроется еще один существенный момент. Поскольку, как было указано выше, онтологическая специфика насилия в западной цивилизации носит центробежный характер, то есть делает насилие сущностной динамикой цивилизационной экспансии, то нормативность и правовое поле могут быть истолкованы и по-другому. По отношению к покоряемым цивилизациям могут быть приняты такие нормативные документы, которые будут служить проводника-

ми институционализированного насилия. С этой точки зрения, подчиненность насилия ценности Права не гарантирует того, что само Право не будет модифицировано в соответствии требованиями насилия как инструмента культурной экспансии. Именно это, по мнению евразийцев, и происходит по отношению ко всем покоряемым Западом обществом. Здесь стоит вспомнить, как наиболее яркий пример, расовые законы в США, официально действовавшие практически до середины XX века.

По-другому дело обстоит в евразийской цивилизации, где насилие как центростремительный инструмент стабилизации, подчинено ценности Правды. В отличие от Права, ценностный контекст Правды не имеет четкого закрепления в нормативных установлениях. Правда осмысливается представителями евразийской цивилизации как выражение предельных морально-нравственных интуиций, не требующих фиксации в законодательной форме. Невозможно законодательно предписать быть добрым, честным, справедливым. Однако, такие предписания существуют как неформальный контекст, с которым соизмеряется тот или иной пример поведения. С этой точки зрения, невозможно легитимное применение насилия, вписывающегося в правовое поле, но не соответствующее ценности Правды. Невозможна цивилизационная экспансия, предполагающая установление колониальных отношений, основанных на дифференциации правового поля колоний и метрополии. Развитие евразийской цивилизации осуществляется путем интеграции, вписывания всех цивилизационных составляющих в единый культурный контекст. Становится невозможной культурная легитимация насилия, осуществляемая в рамках базового для западной цивилизации разделения на Центр и периферию.

Таким образом, фундаментальное расхождение на глубинных уровнях различных цивилизаций, приводит евразийцев к необходимости разработки собственной теоретической программы, в рамках которой насилие выступало бы в соответствии с цивилизационными интуициями Евразии.

Основным акцентом евразийского теоретического подхода является, как известно, акцент на пространственном аспекте, его важности и ключевом значении для понимания цивилизации. Так, современный евразийский философ А. Г. Дугин отмечает: «Показательно, что структу-

¹ Там же.

ралистский метод в самых общих чертах сводится к приоритетному выделению пространственной парадигмы. Это так называемый синхронический метод, противопоставляемый диахроническому. Такой выбор методологического приоритета в области лингвистического (шире, гносеологического, философского) анализа, на самом деле, есть не что иное, как проекция основной идеи евразийства — идеи плюрального, многополярного параллельного и разнообразного развития национальных культур в «цветущей сложности». Евразийцы противопоставляли плюральное человечество одномерному универсализму Европы и именно на этом базовом цивилизационном, геополитическом дуализме основывали все остальные теории. В рамках лингвистики этой унитарной, классически «романо-германской» одномерной логике соответствует диахронический подход, представление о слове-концепте и логической конструкции как о сущностной основе языка. Синхронический подход, напротив, позволяет частное вывести из общего, причем это общее, схватывается одновременно как цельный и живой организм, а не как мертвая механическая конструкция, целиком предопределенная функционированием своих частей»¹.

В рамках такого подхода, осмысление насилия в современном обществе получает новый теоретический импульс. Описанный выше «синхронический подход», предлагающий анализировать явления в их многомерности, в целостности и единстве, позволяет рассмотреть насилие как многомерную реальность, обладающую различными центральными аспектами, проявление которых зависит от того цивилизационного

пространства, в котором насилие интерпретируется и осмысливается.

Евразийство предлагает рассматривать все культурные процессы через оптику многополярности, множественности центров влияния и уникальности происходящих процессов. С этой точки зрения, насилие, активно проповедуемое современной массовой культурой, тоже должно быть осмыслено как многоплановая совокупность культурных установок, в каждом конкретном случае имеющая свои теоретические и цивилизационные истоки. Евразийство предлагает отказаться от линейной перспективы рассмотрения насилия, для которой существовал только один, «правильный» путь интерпретации этого явления через категориальный аппарат, предоставленный западной философской, юридической, исторической, культурной традицией. В этом новом видении традиционного предмета можно видеть несомненную заслугу евразийской философии.

Таким образом, евразийская перспектива рассмотрения насилия, как укорененного в базовых цивилизационных интуициях и служащего различным цивилизационным силам явления, выводит социально-философскую мысль к новым вопросам и к новым путям их возможного решения. И здесь мы можем со всей уверенностью говорить о том, что дальнейшие исследования, посвященные данной проблематике должны, несомненно учитывать весь тот идейный потенциал, которым обладает классическое евразийство и который нарабатывается в рамках современного крыла этого философского направления отечественной мысли.

Список литературы:

1. Аванесова Г. А. Особенности евразийского анализа культуры // Наука о культуре: Итоги и перспективы. М., 1998. Вып. 4. С. 28–50.
2. Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 248–307.
3. Ванчугов В. В. Статус философии в евразийском движении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 1999. № 1. С. 64–75. (С изменениями и дополнениями в сборнике: Евразийская идея и современность. М., 2002. С. 104–120).
4. Дугин А. Г. Преодоление запада [Электронный ресурс] (Философский портал «Арктогея»; режим доступа: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=937> (дата обращения 14.03.13)).

¹ Дугин А. Г. Преодоление запада [Электронный ресурс] (Философский портал «Арктогея»; режим доступа: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=937> (дата обращения 14.03.13)).

5. Кальсин М. Г. Движение евразийцев первой половины 20-х годов: Опыт осмысления феномена России // Традиции русской исторической мысли: Историофилософия. М., 1997. С. 50–76.
6. Карсавин Л. П. Феноменология революции // Ключников С. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. С. 141–201.
7. Ключников С. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. 525 с.
8. Колесниченко Ю. В. Личность в евразийстве. Гносеологические основания. М.: Альфа-М, 2008. 144 с.
9. Мелих Ю. Б. Персонализм Л. П. Карсавина и европейская философия. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 272 с.
10. Ожогин В. И. Парадигма евразийской культурософии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 6–17.
11. Савицкий П. Н. Евразийство // Ключников С. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. С. 76–94.
12. Bassin M. Classical Eurasianism And The Geopolitics of Russian Identity [Электронный ресурс] (www.cesran.org; режим доступа: http://www.cesran.org/Dosyalar/MAKALELER/MARK_BASSIN_CLASSICAL_EURASIANISM_AND_THE_GEOPOLITICS_OF_RUSSIAN_IDENTITY.pdf (дата обращения 17.04.13)).

References (transliteration):

1. Avanesova G. A. Osobennosti evraziiskogo analiza kul'tury // Nauka o kul'ture: Itogi i perspektivy. M., 1998. Vyp. 4. S. 28–50.
2. Vandalkovskaya M. G. Istoricheskaya nauka rossiiskoi emigratsii: «evraziiskii soblazn». M., 1997. S. 248–307.
3. Vanchugov V. V. Status filosofii v evraziiskom dvizhenii // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya «Filosofiya». 1999. № 1. S. 64–75. (S izmeneniyami i dopolneniyami v sbornike: Evraziiskaya ideya i sovremennost». M., 2002. S. 104–120).
4. Dugin A. G. Preodolenie zapada [Elektronnyi resurs] (Filosofskii portal «Arktogeya»; rezhim dostupa: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=937> (data obrashcheniya 14.03.13)).
5. Kal'sin M. G. Dvizhenie evraziitsev pervoi poloviny 20-kh godov: Opyt osmysleniya fenomena Rossii // Traditsii russkoi istoricheskoi mysli: Istoriofilosofiya. M., 1997. S. 50–76.
6. Karsavin L. P. Fenomenologiya revolyutsii // Klyuchnikov S. Russkii uzел evraziistva. Vostok v russkoi mysli. Sbornik trudov evraziitsev. M.: Belovod'e, 1997. S. 141–201.
7. Klyuchnikov S. Russkii uzел evraziistva. Vostok v russkoi mysli. Sbornik trudov evraziitsev. M.: Belovod'e, 1997. 525 s.
8. Kolesnichenko Yu. V. Lichnost' v evraziistve. Gnoseologicheskie osnovaniya. M.: Alfa-M, 2008. 144 s.
9. Melikh Yu. B. Personalizm L. P. Karsavina i evropeiskaya filosofiya. M.: Progress-Traditsiya, 2003. 272 s.
10. Ozhogin V. I. Paradigma evraziiskoi kul'turosofii // Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii. Novosibirsk, 1999. Vyp. 1. Kul'turnyi kosmos Evrazii. S. 6–17.
11. Savitskii P. N. Evraziistvo // Klyuchnikov S. Russkii uzел evraziistva. Vostok v russkoi mysli. Sbornik trudov evraziitsev. M.: Belovod'e, 1997. S. 76–94.